

Сейтхалилова Л.С.

УДК 821(417)+821(=512.19)

КОНЦЕПТ «ХОЛОД» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОСКАРА УАЙЛЬДА И КРЫМСКОТАТАРСКОГО АВТОРА РАССКАЗОВ ХИКЯЕДЖИ СОХТА

Ирландский писатель-эстет, один из проповедников «искусства для искусства» и загадочный крымскотатарский автор коротких, но весьма содержательных и изумительных по красоте языка рассказов Хикьяеджи Сохта. Рассказы этого цикла стали публиковать в газете «Янъы Дюнья» с конца прошлого, 2010 года. Хотелось бы перечислить некоторые рассказы и, может быть, привлечь внимание читателей, которые ещё не увлеклись ими: «Дервиш огьлу»-1903г., «Пенджере»-1906г., «Фуртуна» -1908г., «Ильванлар дюкьяны»-1912 г., «Башташ язылары»-1912г., «Багъчеван»-1913г., «Тул Османнынъ севгиси»,-1914г., «Джехэннемин къапусында» -1916г., «Къырымскъа»- 1917г. «Чешме сую», «Тилькининъ ибадети», «Къаба къыз ве шаир огьлан» - дата неизвестна. Мы не знаем ничего достоверно, строим только догадки о том, кем мог быть на самом деле Хикьяеджи Сохта, но достаточно хорошо осведомлены о творчестве Оскара Уайльда. Прослеживается какая-то странная связь в стилистике двух авторов. Мы очень многим обязаны XIX веку. Во второй его половине складываются образы и идеи, которые входят в культуру XX столетия как наша классика. Приблизительно к этому же периоду относится и творчество Хикьяеджи Сохта. Поэтому изучение культуры конца XIX века остаётся весьма актуальной задачей, тем более для крымскотатарской литературы, у которой осталось не так много образцов речи данного периода.

Оскар Уайльд прожил недолгую жизнь. (1854-1900) Она была омрачена и унижена общественным лицемерием, буквой закона. Уайльд отделяет красоту от нравственного начала и в связи с этим отходит от реальности, тем самым впадает в эстетство, аморализм, декадентство. Уайльд обнаруживает и нежелание следовать реализму, хотя высоко ценит таких художников, как Толстой, Достоевский, Бальзак. Взгляды Уайльда противоречивы. Эстетство и индивидуализм господствуют в одних статьях, в других он подвергает критике буржуазную Англию. Выдвигает культ красоты как антипода буржуазной пошлости, которую он не приемлет. Оскар унаследовал редкую трудоспособность и любознательность, имел мечтательный и несколько экзальтированный ум, склонность придумывать и рассказывать необыкновенные истории, был поглощён искусством, увлекался поэзией. Он окончил Оксфордский университет с отличием. Поза и эстетские крайности Уайльда, несомненно, весьма очевидны. Но явно выражен и непримиримый протест в его произведениях: он против приземлённости, мещанских прописей и пустой риторики, против того, что на самом деле искусством не является.

Сказки являются наиболее популярными из всего написанного Оскаром Уайльдом. И лучшие из них, так же как и его рассказы, несомненно, служат свидетельством того, что писателю было тесно в рамках декадентской эстетики.

К сказкам, составляющим сборник «Счастливый принц и другие сказки» относятся такие произведения, как: «Счастливый принц», «Соловей и роза», «Преданный друг», «Звёздный мальчик». В сказке «Счастливый принц» писатель говорит о несправедливом устройстве общества, в котором те, кто трудятся, терпят лишения и нужду, в то время как другие живут прекрасно за счёт их труда. Он поэтизирует деятельное добро. Статуя счастливого Принца обнаруживает внимательное и сочувственное отношение к людям. Принц стремится помочь тем, кто живет в нищете. Он просит Ласточку снимать со статуи драгоценные камни и отдавать их беднякам. А сам в итоге погибает забытый всеми. В «Преданном друге» он показывает, как эгоизм и алчность этого мира убивает вокруг себя всё живое. Писатель здесь поднимается до сатирического обнажения алчной и лицемерной морали собственника. Историю маленького труженика Ганса, ограбленного и погубленного богатым и жестоким Мельником, именующим себя его другом, Оскар Уайльд возводит до высоты символического обобщения. Невозможно без слёз читать грустную историю маленького Ганса, беззаботно живущего в скромной избушке, среди роз, фиалок и крокусов. А когда наступают холода и тяжёлые дни, его «друг» Мельник не навещает его, потому что взять у него зимой нечего. Оскар Уайльд с поразительным мастерством описывает страшно холодную и голодную зиму, которую переживает маленький Ганс. Но, несмотря на своё бедственное положение, он не отказывается помочь богатому Мельнику в спасении его сына в зимнюю стужу. В романтических сказках Уайльд во много преодолевает свои эстетские взгляды. Опираясь на традицию сказки датского писателя Андерсена, Оскар Уайльд создаёт свою литературную сказку. В ней он рисует яркий, сверкающий красками мир, непохожий на реальность буржуазного общества. Таким средством в его палитре является использование темы зимы, холода для создания атмосферы, фона событий:

“Now it happened that one evening little Hans was sitting by the fireside when a loud rap came at the door. It was a very wild night, and the wind was blowing and roaring round the house so terribly that at first he thought it was merely the storm” [2, с.64].

«Геджелернинъ биринде, кичкене Хэнс собасынынъ янында къызынып отургъанда, бирден даньгъырдап, къапы къакъылды. Шу геджеси ава пек къоркъунчлы олды, боран Хэнснинъ эви чевресинде ойле уфюрди ве къутурды ки, Хэнс о даньгъырдыны бораннынъ гурюльтиси белледи...» (“Devoted Friend”, перевод С.Л.)

“What a dreadful storm it was! The night was so black that little Hans could hardly see, and the wind was so strong that he could hardly stand” [2, с.65].

«Не къадар дешетли боран! Гедже де о къадар къаранлыкъ, Хэнс алдында бир шей корип оламай, ель исе, о къадар шиддетли, Хэнс зорнен аякъ устюнде турып ола» (“Devoted Friend” С.Л.)

“But the storm grew worse and worse, and the rain fell in torrents, and little Hans could not see where he was going or keep up with the horse. At last he lost his way, and wandered off the moor, which was a very dangerous place, as it was full of deep holes, and there poor little Hans was drowned.”[2, с.65-66].

«Боран эп феналаша,ягъмур къуйып, ташкъын киби ягъа. Кичкене Хэнс баскъан ерини корьмей, атнынъ пешинден етишамай. Ахыр-сонъу ёлуны джойды ве пек къоркъунчлы батакълыкъкъа келип чыкъты, о батакълыкъ пек хавфлы бир ер, чюнки терен чукъурлар чамурлы сувнен толу экен, бойле бир чукъурда гъарип кичкене Хэнс богъулып ольди» («Devoted Friend» С.Л.)

Как видим, жизнь маленького Ганса обрывается именно вследствие тяжёлых испытаний, доставленных его «другом» Мельником. Трагический финал характерен для многих сказок Оскара Уайльда. Они пессимистичны и в них добро не побеждает зло. Он не указывает путь в светлое будущее и даже не даёт надежду на неё. В другой своей не менее известной сказке «Star Child» Оскар Уайльд так описывает ту ночь, когда был найден Звёздный Мальчик.

“Once upon a time two poor Woodcutters were making their way home through a great pine forest. It was winter, and a night of bitter cold. The snow lay thick upon the ground and upon the branches of the trees: the forest kept snapping the little twigs on either side of them, as they passed and when they came to the Mountain-Torrent she was hanging motionless in the air, for the Ice-King had kissed her. So cold was it that even the animals and the birds did not know what to make of it.”[2, с. 178].

«Бир заманда бар экен, бир заманда ёкъ экен, эки фукъаре орманджы буюк чам орманындан эвге ёл алгъан экен. Бу къыш пек агъыр ве адджы сувукъ олгъан. Юксек къар ерни ве тереклернинъ пытачыкъларыны баскъан. Къатты аяз исе, индже пытачыкъларны чытырдытып тургъан. Орманджылар Дагъдан Ташкъан-Сувгъа якъынлашкъанда, о, сессиз-солукъсыз, авада созулып, къатып къалгъан, чюнки оны Буз Къыралы опип, озь ёлуны девам этип кеткен. Къыш сувугъы о къадар къатты олгъан ки, тап айванлар ве къушлар чаресини тапалмагъанлар» (“Star Child”С.Л.)

Далее, описывая тяжёлый путь дровосеков домой в заснеженном, замёрзшем лесу, Оскар Уайльд пишет:

“Terribly cold it certainly was. The little Squirrels, who lived inside the tall fir-tree, kept rubbing each other`s noses to keep themselves warm, and the Rabbits curled themselves up in their holes, and did not venture even to look out of the doors The only people who seemed to enjoy it were the great horned Owls. Their feathers were quite stiff with rime, but they did not mind, and they rolled their large yellow eyes, and called out to each other across the forest, “Tu-whit! Tu-who! Tu- whit! Tu-who! What delightful weather we are having!”[2. С.179]

«Ава керчектен де мушкюль сувукъ эди. Уфачыкъ Сансарчыкълар нарат терегининъ ичинде яшап, къызынмакъ ичюн бири-бирлерининъ бурунларына окъаланалар.Тавшанлар топланып юваларында ята ве тышары бакъмагъа биле къоркъалар. Тек балабан, бойнузлы Миявкъушлар, гъалиба,авадан хошлана.Къынаглары аяздан къатып, тик турса да, онъа аслы да эмиет бермейлер,балабан сары козьлерини фырландырып, орманда бири-бирини чагъырып туралар: Ту-вит! Ту-вуу! Ту-вит! Ту-вуу! Насыл аджайип ава!» (“Star Child”С.Л.)

Описывая картину лютой зимы, когда в лесу был найден главный герой сказки, брошенный замерзать, Оскар Уайльд подводит читателей к трагической судьбе Звёздного Мальчика.

Хикяеджи Сохта также использует концепт «холод» в своём ироничном рассказе о хитрой, голодной лисе (бир быралкы ач тильки) или как он ещё её именует «Тильки ханым», которая ранним утром решила полакомиться молоденькой курочкой в рассказе, «Тилькининъ ибадети» («Молитва лисы»), [«Янъы Дюнья», 26.11.2010г.] Он так описывает раннее, осеннее утро над Аюв Дагом:

«Сабахын озю даха корюнемзди. Не зиялар, не нурлар, не де учкъунлар даха учмазды кок узеринде. Кучлюо диреклерин япракъларыны чыкъ басмыш ве **дымлыгын серинлиги** этрафтаки варлыгы серсе бурюмишти. **Хаванынъ кендиси нефес алдыгъы ве эснемесинден** дуюлырды сабахын якъынламасы. **Аюв Дагъын арт этеги** къюю думанлара **бурюм-бурюм бурюнемее башламышты** энди. **Серин ельчик де агълаюрды** солукълая-солукълая. Къалын **будакълар ушюдиклеринден, базен дитрердилер**, ве бу дитрелерден узюлирди узеринден солмуш япракълары. Къара **денъизин агъыр нефеси** ишитилирди узакълара. Гидже иле сахарин арасы иди ки, къаранлыкъ кенди-кендини артыкъ тутамазды. **Сёкюльмее башламышты** кенарындан **гиджедеки коклемлери...**»

Из отрывка видно, что это глубокая осень. Природа у Хикяеджи Сохта здесь живая, он широко использует олицетворение, метафоры, сравнения, объединяя природу в единое целое с человеком: «**хаванынъ кендиси нефес алдыгъы**», «**денъизин агъыр нефеси**», «**будакълар дитрердилер**», «**серин ельчик агълаюрды**», «**парланмыш одунлар ушюдиклеринден сыкълашмышты бири-бирине**» Ранний рассвет над землей звучит как гимн началу жизни:

«Къаранлыгъын хукму яваш-яваш чекильмее тутунмышты, ама хава йине долашырды, **ель киби агъларды** солукълая-солукълая, этрафы серинлее-серинлее. **Сабахын кендиси** исе, Аюв-Дагъын узерине гозьлерини дикмиш **тебессюм эйлиюрды. Аллахын эманетидир бу дюнья!**

Крымскотатарский автор Хикяеджи Сохта описывает исключительно холодную зиму в своём трогательном рассказе о верности, любви и долге «Чешме сую» («Родниковая вода»), [«Янъы Дюнья», 18.02.2011г.] Главный герой рассказа Сале акай, в лютой мороз, когда снега на Чатыр-Даге выпало по колено, отправляется в далёкий путь к подножью горы, к роднику, где по поверью, вода святая и вылечивает от всех недугов. У Сале акай дома лежит умирающая жена, которую он очень любит и прожил с нею счастливую жизнь, он надеется, что чудодейственная сила святой воды из родника вернёт её к жизни:

«Азраиль инмишти ер узерине... Аджды сувукь богьарды чеврейи. Этраф ортыонмишти бунарланан бем-без чаршафлара. Бельден келен кьар Чатыр-Дагъы **сыкъмышты демир алкъаларыйле**. Дагъ иньлерди, ынъранырды, дитрерди онынъ агьырлыгьындан. Ара-сыра растланан гольчюклерин гозьлери **акъыймыш**, морланмыш, узерлери бузламыш, челикленмиш олуп джеренгилерди тосат-тосат... Сувукь кенди башына сес верирми асла? Ама бу гидже **онун аджымсыз сесини** ишидиурды дагъа чыкъан Сале акъай. Сувукь онынъ ичине кирип ичини альюрды. **Эджель кибийди**, чокъ кьоркъунчлыды. Саленинъ эллери, аякълары сувукьтан къаттыгъы ичюн зорле кьыбырдарды, сахибини диньлемездилер. Нефеси тутулдыгъы халда, кендисини кьар узерине чалкъая атмышты. Памуклашмыш, джансызланмыш эллериле сызлана-сызлана, энинлее-энинлее аякъларындаки чарыкъларыны зорле чезерек, ялын аякъларыны кьарле охалай-охалай кьызартмыш ве йине юнъ чорапларыны кийип, кийиз ортыюлю чарыкъларнынъ учкьурларыны диз ашагъысында сыкътырып багъламышты».

С «Демоном Смерти» или («ангелом смерти») (Азраиль инмишти ер узерине) сравнивает Хикьяджи Сохта свирепый мороз, сковавший всё над Чатыр-Дагом: «Злобный мороз, душил, убивал всё окружающее», «земля укуталась затуманенной вуалью из белоснежных покрывал» (С.Л.)

Оскар Уайльд же сравнивает снег с «белоснежным саваном», укутавшим землю в своей сказке «Star Child»: «the old Earth is dead, and they have laid her out in her white shroud» [2, с.178].

Достаточно интересно, что два автора, принадлежавших к разным культурам и, по всей вероятности, не имевших никаких связей, совершенно одинаково воспринимают и отображают картину «холода». Причём холод - это основной фон, на котором завязывается сюжетная линия их рассказов. Холод-это противопоставление силе любви. Холод-это борьба. Это преодоление. Это стремление к жизни. В конечном итоге - это победа над собой, над злыми силами. В этом плане очень интересен финал рассказа «Чешме сую»:

«Сале кьолундаки ыргъакъ таягъыле базен чалылар ичинден ёл ачаркен, базен де ыргъагъыйле сувукьтан демирленмиш будакълара илинерек, хэп юкьары илерилиурды. Дерин кьар буза дёнерек таш киби къатмасаиды, Саленинъ юрюмеси мумкюнаттан оламазды. Бораннынъ **сызгырысы** кяде **улуян копеги**, кяде **яврүсыны гъайып** иден **кедининъ аджыныкълы миявламасыны** анъдырыурды. Хэм де бир тарафтан эмиурды шу **къудурмыш боран**. Кях юкьарыдан, кях сагъдан, кях солдан авмыш бир къая киби келиурды Саленинъ узерине. Салейи ере сермек, кенди агьырлыгъыйле ону басмакъ ве бузлар арасында коммек истиурды бу **къудурмыш боран**. Бунлар аз олдугъу киби, горюнмеен айнынъ хафиф ярыгъында гозюне илинен къая уджундаки **яраланмыш арсланнынъ окюрмеси** ве къулагъына чалынан **гидже къушунынъ кийик-кийик багъырмасы** Салени артыкъ джэжэннемин агъызына дошюрмишти... Ама чешмее вармакъ ве Нефисее **шифа кетирмек эмели о къадар къавий иди ки, бутюн дюнъянынъ хышымы ону артыкъ дурдурамазды**.

Хикьяджи Сохта прямо пишет, любовь к жене была так сильна, что никакие силы, гнев и ярость природы не в силах были остановить его, «...бутюн дюнъянынъ хышымы ону артыкъ дурдурамазды»

Безжалостный мороз-это могучий противник, но он готов сражаться и с ним, потому что «Онынъ гозьбебеге олан Нефисеси хэм онынъ нефеси, хэм джаныды...» Снова и снова хочется отметить художественный стиль Хикьяджи Сохта, его умение находить редкие по красоте сравнения, метафоры, например: «**Мыйыкъларынынъ уджуна асылмыш буз боюнджакъларыны** чекменининъ енъиле силип, **къарлара богъулмыш чарыкъларынынъ** къонучларыны ара-сыра арындырып ёлуны девам идерди».

«**Сырлы Чешменинъ («Таинственный Родник»)** къая деринликлеринден чыкъан **мавы бувлары...**»

«**Чатыр- Дагъын сыджакъ багърындан** бувланып чыкъан **буллюр сувлар**»

Вернувшись живым, муж видит уже погасшую керосиновую лампу, дрова, догоревшие в печи, настенные часы, которые уже остановились и только слышится тяжёлое дыхание, умирающей жены. Сале заправляет догоревшую лампу, подкидывает сухие дрова в печь: « **сувмуш собая да джан вермишти**» (- «**уже остывшую печь вдыхает жизнь**»).

Нефисе, приоткрыв мокрые от слёз глаза, видит Сале у своей кровати и её лицо меняется:«**...бенъзи гульгуленмиш, дудакълары алевленмиш, назик тени ал атмышты**» и далее «...финджан долусы Сырлы-Чешме суоны ичирдиги заман, хэр юдумда, Саленинъ яшлыгозьлю хэр бакъышында, онынъ сыджакъ назик эллерининъ хэр опюшинде сагълам хаята якъынлашмасыны дуярды. Нефисенинъ гозьлери хэп нурланыр, сыджакъ эллериле Саленинъ омузына даяныр, севинчинден дитрер, байылырды. **Нефисе артыкъ енъиден джан ёлуна минмишти**». Нефисе тоже возвращается к жизни и всё в доме оживает. Это можно было бы сравнить с аллегоричными сюжетами сказок Оскара Уайльда, но, к сожалению, в его сказках финал почти всегда пессимистичен. У Хикьяджи Сохта финал рассказов большей частью оптимистичен. Это постоянное стремление к преодолению, призыв к борьбе за жизнь. Аналогичную ситуацию мы прослеживаем и в рассказе Хикьяджи Сохта «Фуртуна» 1908г. («Шторм»), где автор описывает бушующее море и тонущего в нём рыбака Хайсера.

«**Къудурмыш денъизин** копокленен юксек далгъалары бири-бириле къувушаракъ, де илери китиур, де аркъая, де энине, де боюна учуурлар. онлара кьаршылыкъ верен ялы янындаки Ададжыкълар хэман-хэман авдарыладжакъ киби дуруурлар. О далгъалар ки, бирер буюк арманташлары вари бири-дигерине **докъунюр, къарышыур, эзиур, денъизи къарышдырыур, къайнадыурларды. Окюрен фуртунанынъ** ичинден чыкъан къара къувветлерийле котерилен бина къадар далгъалар бири дигери аркъасындан юкьарыдан инерек, Ададжыкълара вурулып къулакълары тындыран гудюрдоюле бинъ парчаджыкълара дагъылып йине денъизе комулиур. Денъизин ичинде **сархошлайып кезен фуртунанынъ**

эмзе седасы, окюрмеси, увултысы, афирмасы о кьадар кучьлойди ки , бутюн дигер варлыгъын сесини тындырыюр, кесюр. Ондан гъайры бир шей корюнмиюр, ишидильмиюрды....»

И в этом очень жестком рассказе о сильнейшем шторме в море, где решался вопрос жизни и смерти, финал не трагичен. Любимая девушка Зухре («...чокъ генч Зухре ханым... гизли севиштиклери ичюн, фенерли джемаата къошулма базанмыюрды»), не смея в силу традиций того времени присоединиться к людям, которые искали её любимого с фонарями в руках, бегая по берегу бушующего моря, одиноко сидит около камня («Ешилъ Таш») и, обливаясь слезами, читает и покрывает поцелуями его последнее письмо к ней. Буря продолжает бушевать, словно решила окончательно разлучить её навеки с любимым. **«Дехшетли фуртуна** онынъ оръме сачларыны дагъытмыш, елегининъ ильмеклерини кьырмыш, якъасыны узьмошти. Башы узеринде сонъсуз гъадабы ве ачувыле сызлая-сызлая дёниюрды **ол ольгюр фуртуна**...»

Потерявшей сознание Зухре слышится голос Хайсера, зовущего ее из пучины моря. И она «...**дуа окъуя-окъуя денъизе далды. Хэм шу анъде ону бу харекетинден хич бир кучь дурдурамазды дехшетли диллери горюнен далгъалара, кийикджесине къаба-къаба окюрен фуртуна кьаршы реван олмушты**...» Ухватившись обеими руками за воротник тонущего Хайсера, вытаскивает его на берег. **«Кьудурмыш денъиз онлары айырмая, бири-биринден узмее чалышыюр, дагъ киби далгъаларыле онлара кьаршы шап-шап-шап вуруюр, чулдурмыш елле екпареленип арая сокъульюрды**...Ама нафилейди **залым харекетлери** бирлешмиш юреклере кьаршы....»

Как мы видим, финал рассказа полон оптимизма и веры в силу любви. В противоположность сказкам Оскара Уайльда, он звучит как гимн любви, хоть и скованной традициями и устоями крымскотатарского народа (а вернее и всего мусульманского мира) того времени. Некоторые рассказы полны юмора, тонкой иронии, временами переходящей даже в сатиру, рассказы: «Джехэннемин къапусында», «Тилькининъ ибадети», «Кьырмыскъа». Язык автора весьма богат, автор использует широкий диапазон синонимов одного ряда. Например, описывая бушующее море, автор пишет «...**бири-бирине докъуныюр, кьарышыюр, эзиюр, кьарыштырыюр, къайнадыюрларды**» Буря- это « **фуртунанынъ кийик-кийик окюрмеси, увултысы, афирмасы**». Синонимы: **«окюрмеси, увултысы, афирмасы»** Волны (Далгъалар)- это и противопоставление **«аджымасыз далгъалар, сыджакъ дуйгъу далгъалары, аджджы, кьудурмыш денъиз далгъалары»**, а любовь Хайсера и Зухре - это **«сенинъ сыджакъ эллеринъ»**, **«алевленип янан юрегинъ»**, **«фуртуналанан юмушакъ нефесинъ»**

Рассказы Хикяеджи Сохта беспредельно экспрессивны. Они полны красивых эпитетов, метафор, лексический диапазон невероятно широк. Сопоставляя рассказы Хикяеджи Сохта со сказками известного писателя- эстета конца XIX века Оскара Уайльда приходишь к выводу, что стили их в чём-то очень близки, но Хикяеджи Сохта выигрывает своим оптимизмом и надеждой, которую оставляет читателю. Читая те, которые уже появились на страницах газеты «Янъы Дюнъя», поражаешься, какой богатый, красивый язык мы потеряли. Я говорю «потеряли», потому что, работая над переводами художественной литературы с английского языка на крымскотатарский язык, постоянно сталкиваюсь с проблемой скудости наших словарей, лексического диапазона, которым мы сегодня владеем. Размышляя в отношении Хикяеджи Сохта: кто бы это мог быть, приходят в голову сомнения, что это был «аля-сохта» («студент-отличник») одного из медресе Крыма. Очень уж зрелый у него язык, и повторюсь, сочный, богатый. Да и сюжеты, и стиль рассказов, с моей точки зрения, указывают на человека с большим жизненным опытом. Как бы то ни было, эта тема ещё ждёт своего исследования, скрупулёзного и неторопливого. Мы же должны быть благодарны судьбе за то, что уважаемый и маститый филолог Эмиль ага Девлетов представил нам ещё один прекрасный образец крымскотатарской литературы, за удовольствие, доставленное нам, я не сомневаюсь, что он нашёл своего благодарного читателя.

Источники и литература:

1. Бенвенист Э. Уровни лингвистического анализа / Э. Бенвенист; пер. с фр. К. Г. Филоновой // Новое в лингвистике / сост. В. А. Звегинцева. – М., 1965. – Вып. IV.
2. Fairy Tales by Oscar Wilde. – Moscow : Progress Publishers, 1979. – 210 p.
3. Девлетов Э. «Дефтеримдеки язылар», «Къаба кьыз ве шаир огълан» / Э. Девлетов // Янъы Дюнъя. – 2010. – 17 сентябрь.
4. Хикяеджи Сохта. «Тул Османнынъ севгиси» / Сохта Хикяеджи // Янъы Дюнъя. – 2010. – 30 декабрь.
5. Хикяеджи Сохта. «Багъчеван» / Сохта Хикяеджи // Янъы Дюнъя. – 2010. – 15 апрель.
6. Хикяеджи Сохта. «Тилькининъ ибадети» / Сохта Хикяеджи // Янъы Дюнъя. – 2010. – 26 ноябрь.
7. Хикяеджи Сохта. «Ильванлар дюккяны» / Сохта Хикяеджи // Янъы Дюнъя. – 2011. – 4 февраль.
8. Хикяеджи Сохта. «Чешме сую» / Сохта Хикяеджи // Янъы Дюнъя. – 2011. – 18 февраль.
9. Хикяеджи Сохта. «Фуртуна» / Сохта Хикяеджи // Янъы Дюнъя. – 2011. – 4 март.
10. Хикяеджи Сохта. «Кьырмыскъа» / Сохта Хикяеджи // Янъы Дюнъя. – 2011. – 18 март.
11. Хикяеджи Сохта. «Джехэннемин къапусында» / Сохта Хикяеджи // Янъы Дюнъя. – 2011. – 8 апрель.
12. Хикяеджи Сохта. «Башташ язылары» / Сохта Хикяеджи // Янъы Дюнъя. – 2011. – 29 апрель.
13. Хикяеджи Сохта. «Пенджер» / Сохта Хикяеджи // Янъы Дюнъя. – 2011. – 20 май.